

Смерть Чжоу Ляня в тюремных стенах не стала неожиданностью.

Странно было другое: ни в воде, которую он пил перед кончиной, ни в крошках Травы Алого Снега на полу камеры яда не обнаружили.

Тем не менее коронер твердо настаивал: смерть наступила именно от отравления.

Тогда Ци Хуань решил призвать на помощь Вэй Шаньцюэ.

Стоило признать: в подобных делах ищейкам из Восточного цеха равных не было.

Осмотрев воду и крошки, Вэй Шаньцюэ откинул покрывавший труп белый саван. Достав длинную серебряную иглу, он вонзил её сначала в горло покойного, а затем — под ложечку.

Острие, извлечённое из горла, потемнело, тогда как у желудка серебро осталось чистым.

Министр юстиции Ци Хуань искренне изумился:

— Неужели он прятал яд в горле? Быть того не может. Перед тем как бросить его в темницу, стража обыскала его до нитки.

Вэй Шаньцюэ молча подержал лезвие кинжала над пламенем свечи, а затем ловким движением надрезал кожу покойного у ключицы. Сверху он бросил несколько крошек Травы Алого Снега. Прошло немного времени, и из раны медленно выползла угольно-черная тварь в жестком панцире.

Вэй Шаньцюэ мгновенно проткнул её иглой и поднёс к огню. Тварь пронзительно заверещала, извиваясь, пока окончательно не обратилась в пепел.

У министра отвисла челюсть:

— Что это за мерзость?..

— Гу из царства Сян, — бесстрастно отозвался Вэй Шаньцюэ. — Под воздействием Травы Алого Снега он мгновенно выделяет смертоносный яд.

Корень этого растения чисто-белый, он не имеет ни запаха, ни собственного вкуса, да и сам по себе не ядовит. Если растереть его в порошок и подмешать в муку для маньтоу, никто ничего не заподозрит.

Согласившись в своё время взойти на корабль Вдовствующей императрицы, Чжоу Лянь сам

подписал себе смертный приговор. Его судьба была предрешена с самого начала.

— Премного благодарен, Глава Вэй, — с искренним уважением произнёс Ци Хуань. — Позвольте пригласить вас на ужин в лучшую ресторанцию города, окажите мне такую честь.

— Благодарю за приглашение, но вынужден отказаться, — ровно ответил Вэй Шаньцюэ. — Дома ждёт ребёнок, мне пора.

"Ребёнок?"

Ци Хуань с недоумением воззрился на своего помощника:

— Он сейчас действительно сказал, что дома его ждёт ребёнок?

"Вэй Шаньцюэ ведь евнух, так откуда..."

— Господин, — едва слышно шепнул писарь, — должно быть, глава имеет в виду молодого господина Пэя.

В кабинете Вэй Шаньцюэ творился настоящий разор.

Исписанные листы покрывали весь письменный стол, а часть из них сиротливо валялась на полу.

Лин Сяо с несчастным видом сидел напротив Пэй Чанъина, вынужденный слушать его путанные толкования воинских трактатов и древних тактических приёмов.

Любой мужчина, в чьих жилах течёт горячая кровь, не откажется порассуждать о ратной стратегии. Вот только была одна загвоздка: рисовать молодой господин не умел совершенно, а его иероглифы больше походили на хаотичные каракули безумного даоса. Разобрать в этом месиве хоть что-то было выше человеческих сил.

— Со временем я велю принести тебе военный стол с песком, — раздался от двери спокойный голос. Вэй Шаньцюэ вошёл в кабинет и принялся собирать с пола разбросанные листы. Одно только созерцание этих «шедевров» каллиграфии доставляло его эстетическому вкусу почти физическую боль.

подавив вздох, Вэй Шаньцюэ произнёс:

— С сегодняшнего дня будешь тратить по полстражи в день на каллиграфию под моим присмотром. Взамен я столько же времени буду обучать тебя воинскому искусству.

— Ну-у-у нет! — протянул Пэй Чанъин, и по его кислой мине сразу стало ясно: выводить иероглифы ему хотелось меньше всего на свете.

Вэй Шаньцзюэ не стал настаивать и спорить. Он лишь молча и неторопливо продолжил наводить порядок на письменном столе, складывая листы ровной стопкой.

— А может... раз в два дня? А, учитель? — Пэй Чанъин мгновенно прикинулся самым заботливым и любящим учеником на свете. — Вы ведь так заняты государственными делами, зачем тратить на меня драгоценное время?

Однако Вэй Шаньцзюэ даже бровью не повёл. Понимая, что иначе уроков кунг-фу ему не видать как своих ушей, Чанъин помялся-помялся и наконец нехотя выдавил:

— Ладно! Полстражи так полстражи!

— Вот и славно. Лин Сяо, подготовь тушь.

Пэй Чанъин со стоном схватился за голову:

— Что, прямо сейчас?!

Вэй Шаньцзюэ аккуратно расправил на столе чистый свиток плотной бумаги и прижал его края нефритовым прессом-линчжи:

— Чем раньше закончишь, тем лучше. Сегодня на кухню доставили свежую оленину. Будет ли у тебя к ужину сочное мясо на углях, зависит исключительно от твоего прилежания.

Глаза юноши мгновенно вспыхнули. Он тут же схватил кисть, словно копьё перед боем:

— Я готов, начнём!

В следующее мгновение его ладонь накрыли чужие, приятно прохладные пальцы. Вэй Шаньцзюэ бережно, но уверенно заставил юношу расслабить руку и мягко перехватил кисть, показывая, как правильно держать древко.

Направляя движение его руки, мужчина вывел на бумаге три размашистых, безупречных иероглифа: «Пэй Чанъин».

На долю секунды Чанъин замер, затаив дыхание. Перед глазами пронеслось воспоминание из далёкого детства: давным-давно мама точно так же держала его за руку, обучая грамоте.

Помогши ему вывести ещё несколько знаков, Вэй Шаньцюэ отстранился:

— Теперь сам.

Но стоило теплу чужой руки исчезнуть, как Чанъин тут же упрямо сжал кисть в кулак, точно дубину. Выведенные им линии поползли вкривь и вкось — ни горизонталей, ни вертикалей, сплошное уродство.

Вэй Шаньцюэ лишь молча закрыл глаза.

Когда отведённое время наконец подошло к концу, Пэй Чанъин шумно выдохнул от облегчения. Впрочем, Вэй Шаньцюэ испытал похожие чувства.

Даже в те времена, когда он только начинал службу во дворце и часами терпел занудство упрямых конфуцианцев-книжников, он не изматывался так сильно, как за эти несчастные полстражи.

Пока они ждали, когда пропечется оленина, Пэй Чанъин, наблюдая за пляшущими языками пламени, тихо произнёс:

— Я хочу уйти в армию. Хочу в военный лагерь.

Вэй Шаньцюэ неторопливо перевернул вертел над углями и скупым движением бросил щепотку ароматных специй.

— Пойдёшь, — спокойно отозвался он. — Но не сейчас. Когда наступит подходящее время, я сам отвезу тебя туда.

Гарнизоны близ столицы давно превратились в змеиное гнездо, где сплелись интересы самых влиятельных фракций двора. Отправься Пэй Чанъин туда прямо сейчас — и простыми тумачами да тяжёлой службой он бы точно не отделался.